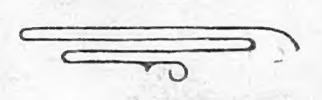
В. Борисовъ.

ОТВѢТЪ Г-НУ БОГДАНОВСКОМУ

по поводу его статьи

„Къ вопросу о расположеніи городовой стѣны казанскаго посада въ 1552 г.“.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1899.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Общества *В. Борисовъ.*

М. Богдановскій.—Къ вопросу о расположеніи городовой стѣны казанскаго посада въ 1552 г.—СПБ. 1899, стр. 17.

Причиной появленія настоящей брошюры г. Богдановскаго служитъ наша замѣтка о первомъ его трудѣ «Инженерно-историческій очеркъ осады Казани 7060—7061 гг.» [1]). Въ этомъ трудѣ, помѣщенномъ предварительно въ «Инженерномъ Журналѣ», авторъ, по его словамъ, не имѣлъ возможности, по соображенію съ программой военно-техническаго журнала, вдаваться въ разборъ данныхъ относительно взаимнаго положенія рѣчки Булака и стѣны казанскаго посада; этотъ пробѣлъ и дополняется разбираемою статьею. Таково объясненіе г. Богдановскаго. Нельзя сказать, чтобы оно было очень сложно, но и простота его далеко не служитъ въ его пользу. Вопросъ о положеніи русла Булака по отношенію къ стѣнамъ осажденнаго города—это вопросъ основной, и давать описаніе осады города, хотя бы только со стороны военно-технической, для чего, по заявленію автора, требуется опредѣленная научная точность, и обойти почти молчаніемъ, ограничившись нѣсколькими попутными словами, такой важный, сложный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спорный пунктъ,—подобный шагъ представляется, по крайней мѣрѣ въ нашихъ глазахъ, крайне смѣлымъ и можетъ быть уподобленъ рѣшенію построить зданіе на пескѣ. Поэтому приходится лишь удивляться, какъ г. Богдановскій могъ поступить такимъ образомъ: если программа военно-техническаго журнала не позволяла прибавить къ статьѣ десятокъ—другой страницъ, посвященныхъ разбору указаннаго вопроса, то это должно было сдѣлать тѣмъ же самымъ способомъ, какъ сдѣлалъ г. Богдановскій сейчасъ, т. е. выпустить, вмѣстѣ съ своимъ основнымъ очеркомъ осады Казани, отдѣльную статью, гдѣ былъ бы разобранъ вопросъ о Булакѣ, и объяснить, почему такъ пришлось поступить. Но вотъ г. Богдановскій, подъ вліяніемъ нашей критической замѣтки, «восполнилъ пробѣлъ», хотя и нѣсколько поздно, выпускомъ отвѣтной брошюры.

---

[1]) См. «Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этн.», т. XIV, вып. 6, стр. 700—705, также отдѣльнс; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы, при цитированіи, будемъ имѣть въ виду отдѣльное ея изданіе.

Свою статью г. Богдановскій начинаетъ съ литературы предмета. Отмѣтимъ кое-что и мы здѣсь. Дѣйствительно, Кирилловъ [1]), Рычковъ [2]), фонъ-Каницъ [3]), Рыбушкинъ [4]) говорятъ о «деревянномъ городѣ», о «деревянной крѣпости», простирающейся за Булакъ и сломанной во время губернаторства А. П. Волынскаго [5]); но всѣ эти свидѣтельства относятся къ XVIII столѣтію и, конечно, не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о стѣнѣ *татарской* Казани [6]). Недоумѣваемъ, ради чего г. Богдановскій въ своемъ исчисленіи литературы помѣстилъ имя проф. Суровцева, когда его статья въ журналѣ «Славянинъ» есть ни болѣе ни менѣе, какъ перепечатка «Изъясненія» фонъ-Каница, произведенная лишь безъ указанія имени дѣйствительнаго автора ея [7])? Вѣроятно, ради большаго числа голосовъ, рѣшающихъ споръ въ желательномъ для автора смыслѣ. Излишни и имена анонимнаго автора—«Краткаго медикофизическаго и топографическаго обозрѣнія города Казани и губерніи оной» (СПБ. 1809 г.) и проф. Ласковскаго, которому принадлежатъ—«Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи» (СПБ. 1858 г.), такъ какъ эти авторы далеко не раздѣляютъ мнѣнія, приписываемаго имъ г. Богдановскимъ [8]). Безъ всякаго основанія также г. Богдановскій причислилъ къ группѣ изслѣдователей, съ мнѣніями которыхъ онъ считаетъ себя солидарнымъ, и автора статьи—«Какой видъ имѣла Казань въ XVI столѣтіи»? [9]), не будучи, очевидно, знакомъ съ содержаніемъ этой статьи и сдѣлавъ ссылку на нее, можно думать, изъ вторыхъ рукъ, что до-

---

[1]) «Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства», кн. II. М. 1831 г., стр. 8.

[2]) «Опытъ Казанской исторіи», СПБ. 1767 г., стр. 175.

[3]) «Краткое изъясненіе плана древняго города Казани».

[4]) «Краткая исторія города Казани», К. 1834 г., ч. I, стр. 7—8.

[5]) А. П. Волынскій былъ губернаторомъ въ Казани въ промежутокъ времени 1728—1730 гг.; см. Загоскинъ, «Спутникъ по Казани», К. 1895 г., стр. 171.

[6]) Рыбушкинъ въ данномъ случаѣ ограничивается простымъ пересказомъ соотвѣтствующаго мѣста у Рычкова, почему его голосъ можетъ быть даже вовсе исключенъ изъ счета. См. также «Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1844 г., № 43, стр. 597—598.

[7]) См. нашу замѣтку, стр. 5.

[8]) «Чрезъ нѣсколько дней, — говоритъ авторъ «Обозрѣнія», — послѣ того, какъ донесено было государю о совершеніи главныхъ подкоповъ, то приказалъ онъ навести *по Булаку* мосты и быть всей арміи къ приступу готовой»—стр. 18; проф. Ласковскій выражается такъ: «западную сторону городской ограды *обтекала* въ то время тинистая *рѣка Булакъ*»—ч. I, стр. 178; см. атласъ, листъ 22, изобр. 241, гдѣ на планѣ стѣна казанскаго посада проведена по *правую* сторону Булака; ср. Богдановскій, брошюра, стр. 5, 14.

[9]) «Казанскія Губернскія Вѣдомости», 1856 г., №№ 33, 34, 36, 40, 41, 43, 44 и 46.

казывается и невѣрной цитатой ея [1]: «.... думаемъ, что Булакъ *весь* [2]) находился внѣ городской стѣны. Близкій къ крѣпости при впаденіи своемъ въ Казанку, такъ что протекалъ почти подъ самою стѣною, онъ, чѣмъ болѣе приближался къ Кабану, тѣмъ болѣе отдалялся отъ города»—полагаемъ, что приведенной выписки достаточно вполнѣ, чтобъ имѣть сужденіе, какого воззрѣнія держится авторъ цитированной статьи [3]). Вообще замѣтимъ, что разбираемая статья, написанная именно съ цѣлью показать всю несостоятельность плана фонъ-Каница, дѣлаетъ это весьма успѣшно, представляя очень основательную критику плана. Конечно, авторъ статьи и самъ не чуждъ нѣкоторыхъ промаховъ, допускаемыхъ имъ, напр., при смѣшеніи воеводъ Волынскихъ, управлявшихъ Казанью въ XVII столѣтіи въ качествѣ «товарищей» главнаго воеводы, съ извѣстнымъ губернаторомъ А. П. Волынскимъ, при которомъ дѣйствительно была сломана деревянная стѣна посада въ противопожарныхъ видахъ, или, далѣе,—при стремленіи отыскать какой то особый посадъ, когда онъ на самомъ дѣлѣ находился въ той чертѣ ограды, которая опредѣлена,—и вполнѣ основательно,—авторомъ, но всѣ эти недостатки нисколько не подрываютъ основного значенія труда, какъ сильной критики плана фонъ-Каница, и послѣ надлежащихъ поправокъ, внесенныхъ профессоромъ Шпилевскимъ, они уже не имѣютъ равно никакого значенія [4]).

Что касается мнѣнія Карамзина, котораго г. Богдановскій также причисляетъ сюда, то позволяемъ себѣ сильно сомнѣваться, чтобы Карамзинъ согласенъ былъ съ указанными выше авторами. Въ своемъ описаніи осады Казани онъ ограничивается однимъ пересказомъ данныхъ памятниковъ этого событія, предоставляя, какъ признаетъ и г. Богдановскій, самому читателю выводить свои соображенія изъ его словъ или, лучше сказать, изъ данныхъ памятниковъ; давая общій очеркъ, онъ врядъ ли даже задавался подобнымъ вопросомъ, какъ то или другое положеніе Булака. Во всякомъ случаѣ, никакихъ уже заключеній не можетъ быть выводимо, какъ то дѣлаетъ г. Богдановскій, изъ случайныхъ словъ Карамзина—«тинный Булакъ, текущій *къ* городу («а не вокругъ города»,—замѣчаетъ г. Богдановскій въ своемъ удивительномъ стремленіи трактовать каждое случайное слово, сказанное безъ всякаго особаго значенія, какъ неопровержимое доказательство) изъ озера Кабана» [5]), потому что, если держаться такой системы доказательства, то

---

[1]) См. брошюру г. Богдановскаго, стр. 4; ср. выше, прим. 9-е.

[2]) Курсивъ въ текстѣ.

[3]) «Каз. Губ. Вѣд.», 1856 г., № 43, стр. 339; также—№ 46, стр. 368. О сущности мнѣнія автора статьи—«Какой видъ имѣла Казань въ XVI столѣтіи»? г. Богдановскій, если не имѣлъ подъ руками самыхъ «Губернскихъ Вѣдомостей», могъ бы узнать изъ сочиненія проф. Шпилевскаго—«Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи», К. 1877 г., стр. 450.

[4]) Шпилевскій, op. cit., стр. 444—455.

[5]) «Исторія государства Россійскаго», т. VIII, стр. 163, 165 (изд. 1852 г.).

нужно требовать, чтобы Карамзинъ въ цитированной фразѣ выразился—«тинный Булакъ, текущій *черезъ* городъ изъ озера Кабана», а разъ онъ этого не дѣлаетъ то, слѣдовательно, смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ думаетъ г. Богдановскій. Отсюда г. Богдановскій можетъ убѣдиться, какъ легко его собственное оружіе обращается противъ него же самого!

Изъ разсмотрѣнія этой части брошюры г. Богдановскаго мы можемъ вывести два заключенія: во-первыхъ, что литература предмета авторомъ приведена неосмотрительно, благодаря чему сторонниками поддерживаемаго имъ мнѣнія иногда названы имъ свои же противники; во-вторыхъ, что при системѣ доказательствъ г. Богдановскаго аргументы *за* легко превращаются въ аргументы *противъ*.

За разборомъ литературы г. Богдановскій переходитъ къ разслѣдованію вопроса по существу, подвергая критикѣ мнѣніе о. Заринскаго [1]). Остановимся на тѣхъ доводахъ, характера чисто апріорнаго, по которымъ авторъ не можетъ признать справедливости этого мнѣнія, да не только авторъ, но и человѣкъ, «мало-мальски знакомый съ военной исторіей и военнымъ дѣломъ», какъ рѣшительно утверждаетъ г. Богдановскій [2]). Первый доводъ состоитъ въ томъ, что въ осажденномъ городѣ должно было скопиться значительное количество защитниковъ, собравшихся туда по своей волѣ и по приказанію, почему казанцамъ не было расчета уменьшать пространство укрѣпленнаго мѣста. Но, если не было расчета дѣлать это въ виду увеличенія числа обитателей Казани, во избѣжаніе тѣсноты и скученности, то, думаемъ, что это *необходимо* было сдѣлать для улучшенія оборонительныхъ средствъ города, которыя, конечно, болѣе выигрывали отъ того, что стѣна находилась за широкимъ и трудно проходимымъ протокомъ, чѣмъ если бы она примыкала къ открытому полю. Это ясно для всякаго, не говоря уже о человѣкѣ, «мало-мальски знакомомъ съ военнымъ дѣломъ». Далѣе, по соображеніямъ г. Богдановскаго, татарамъ, представлявшимъ большею частью конную рать, не было никакой цѣли выключать изъ крѣпостной ограды Булакъ и дѣлать себѣ затрудненіе въ смыслѣ пользованія водою. На это можно ска-

---

[1]) «Очерки древней Казани», К. 1877 г., глава VI. Между прочимъ, г. Богдановскій ставитъ въ упрекъ о. Заринскому, что онъ не выдѣляетъ укрѣпленнаго *города* и укрѣпленнаго *мѣста*, т. е. посада (см. его брошюру, стр. 13). Пожалуй, этотъ же упрекъ можетъ быть сдѣланъ и самому г. Богдановскому, озаглавившему свою брошюру—«Къ вопросу о расположеніи *городовой* стѣны казанскаго *посада*»: сочтаніе—«городовая стѣна посада» недопустимо съ точки зрѣнія древне-русской терминологіи, связывавшей съ словами «городъ» и «посадъ» опредѣленныя и отличныя другъ отъ друга представленія.

[2]) Однако, мнѣніе о. Заринскаго принято безусловно капитаномъ Генеральнаго Штаба г. Трофимовымъ въ его брошюрѣ — «Походъ подъ Казань, ея осада и взятіе въ 1552 году», К. 1890 г. (см. стр. 52—60, 101—114; также планъ № 2, приложенный къ брошюрѣ). Очевидно, «научная точность» у гг. военныхъ—понятіе очень относительное!

зать, что главная масса татарскаго коннаго войска, подъ начальствомъ Япанчи, находилась *внѣ* Казани, въ ея окрестностяхъ, тревожа русскихъ нечаянными набѣгами съ тыла, на что г. Богдановскій, увлекшись военной исторіей, вѣроятно, не обратилъ вниманія; затѣмъ,—что помимо Булака и «поганыхъ озеръ» татары имѣли возможность пользоваться водой изъ Казанки, для чего у нихъ былъ устроенъ тайникъ, разрушенный впослѣдствіи русскими. Наконецъ, г. Богдановскій говоритъ, что казанцы не могли «сжечь» Забулачье, готовясь къ борьбѣ съ русскими, потому что «отъ этого могла вспыхнуть, какъ свѣча, вся деревянная Казань». Насколько намъ извѣстно, никто и не настаивалъ на томъ, что татары *выжгли* Забулачье: уничтожать можно самыми разнообразными способами, а не только при помощи огня. Измѣны же въ этомъ дѣйствіи, когда оно было рѣшено всѣми участниками обороны, никто, конечно, не усмотрѣлъ бы.

Въ качествѣ положительнаго доказательства нахожденія крѣпостной стѣны на лѣвомъ берегу Булака г. Богдановскій указываетъ на сообщеніе Царственной книги о мѣстоположеніи царскаго полка, которое приходилось «противъ царскихъ воротъ на посадѣ отъ кладбища», а кладбище находилось на лѣвомъ берегу Булака; слѣдовательно, говоритъ г. Богдановскій, и царскія ворота находились *тоже* на лѣвомъ берегу. Кажется, что такой выводъ не совсѣмъ безусловенъ, и рѣшительное «слѣдовательно» лучше замѣнить благоразумнымъ «можно допустить», п. ч. это свѣдѣніе можетъ быть принимаемо также удобно и при предположеніи, что ворота находились на правомъ берегу Булака, т. к. кладбище расположено *недалеко* отъ протока, и по берегу послѣдняго, тыломъ къ кладбищу, могли стать царскія войска фронтомъ къ воротамъ, отдѣленнымъ отъ нихъ русломъ Булака. «Сказанія кн. Курбскаго..., продолжаетъ авторъ, — тоже подтверждаютъ нахожденіе и въ 1552 г. городовой стѣны за Булакомъ по лѣвому его берегу. Также, если понимать буквально такъ, какъ говорится въ «Сказаніяхъ», не вводя предвзятыхъ предположеній, легко объясняется и слѣдующее выраженіе ихъ: «того мѣста двѣ части, аки на равнинѣ, на горѣ стоятъ, а третія часть зѣло удольна, аки въ пропасти; а поперекъ, аки въ половину мѣста, отъ *стѣны Булака*, ровъ немалый». Слова отъ *стѣны Булака*, если понимать ихъ буквально, означаютъ отъ стѣны, служившей укрѣпленіемъ береговъ рѣчки, а никакъ не отъ крѣпостной стѣны, якобы расположенной на правомъ берегу Булака. Въ этомъ случаѣ должно было бы быть сказаннымъ—отъ мѣсской стѣны у Булака. Но этого не сказано» [1]. Г. Богдановскій настаиваетъ на толкованіи источниковъ, свободномъ отъ предвзятыхъ предположеній, а самъ тутъ же даетъ блестящій примѣръ именно такого толкованія! Указанная фраза Курбскаго, дѣйствительно, легко объясняется, но г. Богдановскому этого мало, и чтобы объяснить ее въ излюбленномъ имъ смыслѣ, а не въ томъ, который она имѣетъ въ дѣйствительности, онъ выдумываетъ какую то стѣну, служившую укрѣпленіемъ береговъ Булака! Откуда у г. Богдановскаго взялись свѣдѣнія о существованіи подобнаго сооруженія? И опять г. Богда-

---

[1]) Брошюра г. Богдановскаго, стр. 11—12.

новскій держится своей системы, увѣряя, что если бы князь Курбскій имѣлъ въ виду крѣпостную ограду, то выразился бы—«отъ мѣсской стѣны у Булака»! Понятно, такимъ образомъ все можно доказать, но это и есть доказательство *предвзятое*, противъ котораго такъ возстаетъ авторъ. Мы не имѣемъ права разсуждать, какъ было бы сказано, если бы то-то и то-то, а должны имѣть дѣло только съ тѣмъ, что есть, и съ этимъ только оперировать, толкуя въ самомъ естественномъ, простомъ смыслѣ, и не прибавляя къ этому никакихъ фантастическихъ объясненій [1]). Показаніе князя Курбскаго, очевидца осады, навсегда останется цѣннымъ, т. к. оно ясно доказываетъ, что Булакъ составлялъ юго-западную сторону «крѣпости» казанскаго «мѣста», и никакія усилія не въ состояніи будутъ затемнить ясности этого свидѣтельства. Съ словами кн. Курбскаго совершенно согласны и данныя другихъ источниковъ, напр., той же Царственной книги, о чемъ нами довольно подробно сказано въ нашей первой замѣткѣ, почему совершенно излишне повторять это здѣсь [2]).

---

[1]) Наше замѣчаніе о произвольномъ толкованіи авторомъ извѣстнаго мѣста у кн. Курбскаго о положеніи Казани (см. нашу замѣтку, стр. 3—4) г. Богдановскій называетъ несправедливымъ и бездоказательнымъ (см. его брошюру, стр. 12, прим.). Думаемъ, что изъ вышеизложеннаго ясно видны и справедливость и доказательность нашего замѣчанія относительно болѣе, нежели свободнаго, обращенія автора съ источниками. Затѣмъ г. Богдановскій, въ отвѣтъ на наши слова, что онъ толкуетъ указанное мѣсто у Курбскаго, взявъ не весь періодъ, а лишь часть его, отчего страдаетъ полнота толкованія, укоряетъ насъ, что мы, въ свою очередь, пропустили въ срединѣ періода «весьма важное мѣсто»—«которое озеро (Кабанъ) кончается, аки полверсты отъ мѣста». Совершенно вѣрно: нами это мѣсто пропущено, какъ и еще нѣсколько словъ дальше, но пропущено потому, что, опредѣляя разстояніе Кабана отъ посада, оно не имѣетъ *никакою* отношенія къ сужденію относительно Булака, о чемъ собственно и шла рѣчь. Г. Богдановскій же выпускаетъ изъ періода какъ разъ относящееся къ интересующему насъ вопросу. Въ этомъ вся разница, и «страннаго» тутъ ничего нѣтъ.

[2]) Позволимъ себѣ выразить недоумѣніе по поводу словъ г. Малѣева, который въ своей замѣткѣ, вызванной также трудомъ г. Богдановскаго, говоритъ: «Нигдѣ, ни въ писцовой книгѣ, ни у кн. Курбскаго, точно не указано, чтобы взорвана была крѣпостная ограда *кремля*», и далѣе—«Воротъ Тюменскихъ и Аталыковыхъ въ стѣнѣ кремля не показано на планахъ, тогда какъ въ передовой оградѣ ворота эти нанесены вездѣ согласно между собою, какъ по писцовой книгѣ, такъ по плану 1730 г. и у Каница».—«Къ осадѣ Казани въ 1552 г.», «Инженерный Журналъ», 1899 г., № 1, смѣсь, стр. 2. — Напротивъ, въ писцовой книгѣ содержатся *точныя* указанія какъ относительно мѣстоположенія главнаго подкопа въ оградѣ кремля, такъ и относительно Тюменскихъ воротъ въ той же оградѣ; см. нашу замѣтку, стр. 3, прим. 2-е. Также ошибочно мнѣніе г. Малѣева, что нефть не могла быть извѣстна татарамъ, ibid, стр. 4; это доказывается той же писцовой книгой: «да за Булакомъ . . . дворъ зелейной..., а дѣлаютъ въ немъ сѣру горячую и зелье и *нефть перепускаютъ*»; писцовая книга, стр. 36.

Такимъ образомъ и дополненныя г. Богдановскимъ доказательства своего мнѣнія страдаютъ тѣмъ же самымъ недостаткомъ, что и первыя,—произвольностью толкованія источниковъ, почему и выводы, полученные отсюда, лишены всякаго значенія.

Перейдемъ теперь къ замѣчаніямъ г. Богдановскаго относительно Царственной книги и плана фонъ-Каница, которыми онъ дополнилъ соотвѣтственныя мѣста своего «Очерка». Въ своей замѣткѣ мы позволили себѣ обратить вниманіе г. Богдановскаго по поводу Царственной книги на существованіе цѣлой литературы объ этомъ памятникѣ и многихъ спорныхъ вопросовъ, связанныхъ съ нимъ, о чемъ авторъ, повидимому, и не подозрѣвалъ, судя по тому рѣшительному значенію, которое онъ придавалъ книгѣ, считая ее «какъ бы журналомъ осады Казани»: нами было указано мнѣніе, относящее памятникъ по его происхожденію ко второй половинѣ XVII вѣка [1]). Однако, изъ этого вовсе не вытекаетъ еще, чтобы это мнѣніе признавалось нами окончательнымъ, и если мы о немъ упомянули, то лишь съ цѣлью восполнить пропускъ г. Богдановскаго, говорящаго объ источникѣ такъ категорически, какъ будто бы въ отношеніи его не существовало никакихъ сомнѣній и колебаній среди его спеціальныхъ изслѣдователей. Въ отвѣтъ на наше замѣчаніе г. Богдановскій рѣшилъ произвести самостоятельное изысканіе о Царственной книгѣ и на пространствѣ 23 строчекъ, дѣйствительно, произвелъ его, придя къ заключенію, что памятникъ можетъ быть отнесенъ ко времени написанія никакъ не позже первой половины XVII вѣка [2]). Подробно разбирать доказательство г. Богдановскаго не станемъ, но не можемъ, всетаки, не высказать изумленія, съ какою легкостью онъ рѣшаетъ вопросы, затрудняющіе даже спеціалистовъ. Г. Прѣсняковъ, посвятившій Царственной книгѣ спеціальное изслѣдованіе [3]), не счелъ для себя возможнымъ произнести о предметѣ его окончательный приговоръ, высказавъ лишь въ видѣ предположенія, что «палеографическія данныя позволяютъ относить Царственную книгу къ концу XVII вѣка и связать ее съ извѣстіемъ 1677 года», причемъ, такому заключенію много содѣйствовало мнѣніе современнаго знатока русской палеографіи, проф. А. И. Соболевскаго [4]); къ XVII вѣку относитъ ее и Археографическая Коммиссія въ лицѣ редакторовъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей. Проф. Н. П. Лихачевъ, не соглашаю-

---

[1]) Наша замѣтка, стр. 2. Г. Богдановскій не понялъ, очевидно, обычнаго способа цитированія источниковъ, когда говоритъ, что, кромѣ труда г. Прѣснякова, мы ссылаемся еще на XXXI томъ «Записокъ истор.-филол. факульт. СПБ. у—та», гдѣ, однако, онъ ничего не нашелъ, кромѣ названнаго труда; слово «также», поставленное нами въ прим. 1-мъ на стр. 2, показываетъ, что трудъ г. Прѣснякова, цитированный нами въ *отдѣльномъ* изданіи, помѣщенъ *также* въ XXXI томѣ «Записокъ».

[2]) Брошюра г. Богдановскаго, стр. 15; въ концѣ ея авторомъ любезно приложенъ палеографическій снимокъ почерка Царственной книги.

[3]) «Царственная книга, ея составъ и происхожденіе», СПБ. 1893 г.

[4]) См. ibid, стр. 6, прим. 6.

щійся съ этимъ, производилъ кропотливые поиски въ заграничныхъ архивахъ, отыскивая тамъ знаки, которыми снабжена бумага Царственной книги, и нашелъ ихъ въ документахъ 1560—1580 гг. [1]). Все это должно показывать, что дѣло обстоитъ не такъ просто, какъ кажется оно г. Богдановскому, и что покончить съ нимъ двумя-тремя фразами, притомъ сомнительными по своей убѣдительности и доказательной силѣ, врядъ ли рѣшится кто либо, безъ ущерба для авторитета своего рѣшенія.

Странны нѣсколько объясненія г. Богдановскаго и относительно плана фонъ-Каница. Прежде всего оказывается, что приложенный имъ къ «Очерку» планъ—не точная копія подлиннаго, а въ $^3/_4$ величины послѣдняго, о чемъ авторъ не только не упоминаетъ въ «Очеркѣ», что безусловно необходимо, чтобы не вводить другихъ въ заблужденіе, но, наоборотъ, изъ его словъ можно вывести заключеніе, что имъ издается *точная* копія [2]). Это съ одной стороны. Съ другой стороны, по поводу нашего замѣчанія, что при изданіи «Краткаго изъясненія» фонъ-Каница, представляющаго, по словамъ издателя, библіографическую рѣдкость и хранящагося въ единственномъ экземплярѣ въ Военно-Ученомъ Комитетѣ [3]), г. Богдановскій нарушилъ одно изъ существенныхъ правилъ воспроизведенія памятниковъ, выпустивъ нѣсколько мѣстъ,—авторъ отвѣчаетъ, что имъ опущены мѣста, «несущественныя въ инженерномъ отношеніи», въ зависимости отъ программы журнала, въ которомъ помѣщена статья, и что желающіе прочитать «Изъясненіе» полностью могутъ сдѣлать это, раскрывъ «Сборникъ древностей Казанской епархіи», составленный въ 1782 году Платономъ Любарскимъ [4]). Къ сожалѣнію, объясненіе это насъ совершенно не удовлетворяетъ, не удовлетворитъ оно,

---

[1]) «Лекціи (литограф.) по дипломатикѣ, читанныя въ 1896—7 году въ СПБ. Археологическомъ Институтѣ», стр. 20—23.

[2]) См. «Очеркъ», стр. 8, 58.

[3]) Разумѣется, если въ Военно-Ученомъ Комитетѣ хранится *подлинный* планъ фонъ-Каница, то онъ можетъ быть лишь въ *одномъ* экземплярѣ. Въ библіотекѣ Казанскаго университета имѣется списокъ «Изъясненія» (безъ плана), вѣроятно, начала нашего вѣка (рукопись № 8417); см. Артемьевъ, «Историческія рукописи библіотеки Императорскаго Казанскаго Университета», стр. 35—36 (№ XLIII), 43 (№ XLV) (оттискъ изъ «Журнала Мин. Народн. Просвѣщ.», 1854 г., № 7—8); также—Рыбушкинъ, «Исторія Казани», ч. I, предислов., стр. II—III; «Каз. Губ. Вѣд.», 1852 г., № 15, стр. 151.

[4]) Изданъ Казанской Духовной Академіей въ приложеніи къ «Православному Собесѣднику» за 1868 годъ. Сверхъ изданій «Изъясненія» проф. Суровцевымъ (см. выше, стр. 4) и Казанской Духовной Академіей, существуетъ еще третье изданіе, среднее по времени между ними, такъ какъ относится къ 1843 году: оно произведено Л. Кавелинымъ въ журналѣ «Маякъ», т. VIII, глава 3, матеріалы, стр. 49—58; см. «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.», 1843 г., ч. XL, кн. 4, стр. 12—16; ср. «Каз. Губ. Вѣд.», 1856 г., № 33, стр. 253, прим. 2-е.

конечно, и всякаго, кто смотритъ на дѣло изданія какихъ либо документовъ съ *научной* точки зрѣнія. Лицо, издающее памятникъ, не имѣетъ никакого права раздѣлять его на мѣста существенныя или несущественныя въ какомъ бы то ни было отношеніи и опубликовывать лишь тѣ, которыя ему нравятся: мѣста, существенныя по взгляду издателя, могутъ не имѣть ровно никакого значенія въ глазахъ другихъ, и наоборотъ. Поэтому документъ долженъ быть издаваемъ цѣликомъ, безъ пропусковъ, въ томъ видѣ, какъ онъ попалъ въ руки издателя; отыскать же въ немъ мѣста, интересныя и существенныя для того или другого вопроса, смѣло можно предоставить самимъ изслѣдователямъ. Зависимость отъ программы журнала, которой г. Богдановскій мотивируетъ свой произволъ въ отношеніи труда фонъ-Каница, также едва ли можетъ служить достаточнымъ оправдательнымъ мотивомъ, такъ какъ трудно представить себѣ такую суровость радакціи, чтобы, печатая 11 страницъ текста «Изъясненія» [1]), она отказала въ помѣщеніи какихъ либо 3 страницъ, выпуская съ этою цѣлью по двѣ, четыре строчки! Наконецъ, увѣреніе г. Богдановскаго, что имъ выпущено «несущественное въ инженерномъ отношеніи», не совсѣмъ точно: въ наиболѣе обширномъ пропускѣ, стр. 116—119 [2]), идетъ рѣчь о «надежномъ вѣдѣніи къ познанію окружности древняго города»,—именно о направленіи крестнаго хода, совершаемаго, какъ думаютъ, по линіи деревянныхъ стѣнъ ограды, причемъ здѣсь производится ссылка на одинъ пунктъ плана, а затѣмъ—объ устройствѣ и размѣрахъ самой стѣны. Развѣ это не имѣетъ никакого интереса «въ инженерномъ отношеніи»? Думаемъ,—большій, чѣмъ многое другое изъ «Изъясненія», тѣмъ не менѣе признанное г. Богдановскимъ достойнымъ изданія.....

Несмотря, однако, на то, что, благодаря отсутствію въ «Очеркѣ» указанія, что изданный г. Богдановскимъ планъ фонъ-Каница—не точная, а уменьшенная копія подлиннаго, наше сопоставленіе этого плана съ планомъ, приложеннымъ къ рукописи К. Милковича — «Исторіографическое описаніе о Казанской губерніи» [3]), утратило нѣсколько свою силу, оно и послѣ дополнительныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ нынѣ г. Богдановскимъ, не лишено всетаки интереса, т. к., допустивъ даже тождественность размѣровъ плановъ фонъ-Каница и Милковича, мы не должны оставлять безъ вниманія словъ послѣдняго, что его планъ «сочиненъ въ *меньшемъ* видѣ съ плана, каковой отыскаться могъ въ Семіозерной пустынѣ по смерти преосвященнѣйшаго митрополита Веніамина» [4]). Сношенія фонъ-Каница съ митрополитомъ Веніаминомъ не подлежатъ сомнѣнію: Каницъ получалъ изъ митрополичьей библіотеки «старинные манускрипты», на основаніи которыхъ, между про-

---

[1]) По изданію «Православнаго Собесѣдника».

[2]) По тому же изданію.

[3]) См. нашу замѣтку, стр. 5.

[4]) Чтобы въ отношеніи разсматриваемаго предмета не оставалось болѣе никакихъ сомнѣній, необходимо произвести *точныя* измѣренія того и другого плана, что, къ сожалѣнію, невозможно для насъ въ настоящую минуту.

чимъ, былъ составленъ имъ планъ; по составленіи послѣдняго, онъ былъ переданъ Каницемъ тому же Веніамину [1]). Все это свидѣтельствуетъ о нѣкоторой и, быть можетъ, значительной роли, которую игралъ покойный архипастырь въ дѣлѣ составленія плана Казани фонъ-Каницемъ, а это, въ свою очередь, даетъ достаточно обоснованную надежду найти, если можно выразиться, ключъ къ плану фонъ-Каница среди бумагъ митрополита и въ архивахъ и библіотекахъ «окрестъ лежащихъ монастырей», также доставлявшихъ фонъ-Каницу историческій матеріалъ для задуманнаго имъ предпріятія. Если въ результатѣ такихъ поисковъ и не найдется плана, который послужилъ оригиналомъ для фонъ-Каница, а затѣмъ—Милковича, то, быть можетъ, найдутся данныя относительно того, почему фонъ-Каницъ держался того или другого мнѣнія при выполненіи своей работы и запечатлѣлъ это мнѣніе на планѣ, найдутся, говоря иначе, пресловутые «старинные манускрипты» [2]).

---

[1]) Рыбушкинъ, op. cit, ч. I, прилож., стр. IV.

[2]) Въ «Указателѣ статей по археологіи, исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ неофиціальной части «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», отмѣчена въ № 28 за 1843 годъ статья подъ заглавіемъ—«Планы древней Казани»; см. «Извѣстія Общ. Арх., Ист. и Этногр.», т. X, вып. 1, стр. 127; однако, не только въ цитированномъ №, но вообще въ №№ за весь этотъ годъ мы не нашли такой статьи, изъ чего слѣдуетъ, что указаніе невѣрно.

паки и паки обвиняетъ насъ въ недобросовѣстномъ пользованіи нами источниками, въ ссылкахъ на памятники «съ голоса, изъ вторыхъ рукъ» [1]). На стр. 4-й г-нъ Борисовъ обвиняетъ насъ въ невѣрной ссылкѣ на сочиненіе проф. Ласковскаго: «Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи»; обвиняетъ въ невѣрной ссылкѣ на книгу: «Краткое медицинское и топографическое обозрѣніе г. Казани и губерніи оной»—1809 г. СПБ. [2]) На стр. 6-й обвиняетъ насъ въ незнаніи военной стратегіи, въ незнаніи древне-русской терминологіи, при упоминаніи нами «городовой стѣны Казанскаго посада»; далѣе на 7-й страницѣ тономъ дидаскала учительно указываетъ на наше незнаніе, что «помимо Булака и поганыхъ озеръ татары имѣли возможность пользоваться водой изъ Казанки»; тамъ же учительно же внушаетъ намъ, вопреки всѣмъ даннымъ изъ древнихъ памятниковъ (скажемъ это отъ себя), «что главная масса татарскаго коннаго войска находилась внѣ Казани, въ ея окрестностяхъ» [3]). На стр. 9-й обвиняетъ насъ, что мы и не подозрѣвали о существованіи спорной литературы по поводу Царств. книги, «считая ее какъ бы журналомъ осады Казани». На стр. 10 ставитъ намъ въ вину странность объясненій относительно плана Ю. Ф. Каница. На стр. 11-й обвиняетъ редакцію Инженернаго Журнала въ суровости, на случай, если

---

[1]) Позволяемъ себѣ исправить маленькую неточность г. Богдановскаго: на указанной страницѣ мы не обвиняемъ его въ ссылкахъ на памятники «съ голоса, изъ вторыхъ рукъ», а доказываемъ лишь—думаемъ, съ очевидностью—незнакомство автора съ содержаніемъ статьи—«Какой видъ имѣла Казань въ XVI столѣтіи?»; статья же эта не можетъ быть, конечно, причислена къ категоріи памятниковъ, съ именемъ которыхъ связывается опредѣленное, твердо установившееся представленіе. В. Борисовъ.

[2]) Вѣроятно, авторъ говоритъ здѣсь о «Краткомъ медикофизическомъ и топографическомъ обозрѣніи города Казани и губерніи оной». СПБ. 1809 г. В. Борисовъ.

[3]) Наше послѣднее замѣчаніе авторъ считаетъ сдѣланнымъ «вопреки всѣмъ даннымъ изъ древнихъ памятниковъ». Не знаемъ, какія данныя и какихъ памятниковъ разумѣетъ здѣсь авторъ, но если ему угодно знать, какими источниками руководствовались мы, высказывая свое замѣчаніе, то для его свѣдѣнія укажемъ хотя бы слѣдующее мѣсто изъ «Сказаній князя Курбскаго»: «Царь же Казанскій затворися во градѣ со тремядесять тысящей избранныхъ своихъ воиновъ и со всѣми карачи духовными ихъ и мірскими и з дворомъ своимъ; а другую половину войска оставилъ внѣ града на лѣсѣхъ; такожъ и тѣ людіе, яже нагайскій улубій прислалъ на помощь ему, а было ихъ аки двутысящи и колько сотъ». («Сказанія», СПБ. 1833 г., ч. I, стр. 24; также см. стр. 25—26). Такимъ образомъ поправка авторомъ сдѣлана только отъ себя, что препятствуетъ намъ признать за ней цѣнность. В. Борисовъ.

нами сдѣланы были нѣкоторые (указанные впрочемъ точками и примѣчаніями) выпуски изъ «Изъясненія» плана Ф. Каница, въ зависимости отъ програмы журнала, причемъ самъ г-нъ Борисовъ беретъ на себя компетентность въ рѣшеніи, что важно и что не важно «въ инженерномъ отношеніи» въ указанномъ изъясненіи [1]).

Послѣ такого суроваго прокурорскаго приговора, наполненнаго къ тому же сплошь выговорами по нашему адресу, — намъ не остается ничего болѣе, какъ указать на «новомодный манеръ» современныхъ ученыхъ вести споры, подозрѣвая и обвиняя противника—здорово живешь — въ нечестности [2]). Равнымъ образомъ странно и то, что дерзкое свое написаніе г. Борисовъ печатаетъ по «опредѣленію Общества Совѣта Археологіи и проч. (sic!) при Казанскомъ Императорскомъ Университетѣ» *[3]).

Если бъ статья г-на Борисова, кромѣ дидаскальскихъ выговоровъ и порицаній насъ (неимѣющихъ чести знать г-на Борисова) носила бы серіоз-

---

[1]) Здѣсь опять неточность со стороны г. Богдановскаго: никакихъ обвиненій въ суровости мы не предъявляли къ редакціи «Инженернаго Журнала»; напротивъ, мы даже отказались признать подобное отношеніе къ памятнику со стороны редакціи, а на него указалъ самъ же г. Богдановскій, объяснивъ свой произволъ «зависимостью отъ программы журнала» (Статья г. Богдановскаго, стр. 17). Что же касается «компетентности», взятой нами на себя, то думаемъ, что мы не совершили въ этомъ случаѣ особеннаго преступленія противъ спеціалистовъ, которые, вѣроятно, согласятся съ нами, что описаніе направленія стѣны, устройства и размѣровъ ея важнѣе и интереснѣе въ инженерномъ отношеніи, чѣмъ, напр., первая или послѣдняя фразы «Краткаго изъясненія», оставленныя г. Богдановскимъ при изданіи «Изъясненія», тогда какъ указанное выше описаніе стѣны имъ опущено. В. Борисовъ.

[2]) А намъ, въ свою очередь, можно указать на манеръ, — не знаемъ, какой,—«старыхъ ученыхъ» вмѣсто того, чтобы обнаружить предъ читателями несостоятельность рецензента, подавать жалобы на послѣдняго «по начальству», какъ поступилъ г. Богдановскій по отношенію къ намъ. В. Борисовъ.

*) Наша статья: «Инженерно-историческій очеркъ осады Казани въ 7060—7061 гг.» разсмотрѣна въ 1899 г. Инженернымъ Комитетомъ Главнаго Инженернаго Управленія и удостоена 3-й преміи.

[3]) «Дерзкимъ» «написаніе» наше кажется г. Богдановскому, вѣроятно, потому, что имъ обнаружены многіе существенные промахи, допущенные авторомъ въ его трудѣ, который мы подвергли разсмотрѣнію, не обративъ вниманія и не придавъ никакого—horribile dictu! — значенія тому обстоятельству, что трудъ г. Богдановскаго награжденъ Инженернымъ Комитетомъ третьей преміей! В. Борисовъ.

ный характеръ, то невѣжливость въ отношении насъ, выраженную печатно, мы оставили бы безъ вниманія, но, увы, не такъ обстоитъ дѣло:

1) Совѣтуемъ всѣмъ интересующимся дѣломъ самимъ прочитать внимательно: «Краткое медицинское и топогр. обозрѣніе г. Казани». 1809 г. СПБ., №№ 33—46-й Казан. Губ. вѣдомостей 1844 г., ознакомиться съ сочиненіемъ профессора Ласковскаго, въ которомъ онъ самъ называетъ Царств. книгу по отношенію ея удивит. точности въ инженерн. отношении «журналомъ осады Казани»,—ознакомиться съ указываемымъ нами планомъ проф. Ласковскаго на стр. 5-й нашей статьи: «Къ вопросу о расположении городовой стѣны Казанскаго посада», гдѣ мы обращаемъ вниманіе читателя на то, что Булакъ показанъ штрихами суходоломъ (какимъ онъ состоитъ нынѣ) въ пространствѣ, огражденномъ стѣнами посада,—ознакомиться изъ того же сочиненія о значении слова: «городовая стѣна и крѣпость» (послѣднее въ смыслѣ искусств. препятствій)[1]. А, если кто не въ искусѣ (скажемъ словами дидаскала XIV—XVII вѣка) читать планы, — посовѣтуемъ посмотрѣть въ самый «учебникъ топографіи», гдѣ заодно можно познакомиться и съ употребленіемъ масштаба и съ опредѣленіемъ по извѣстной части цѣлаго всей величины цѣлаго, т. е. въ данномъ

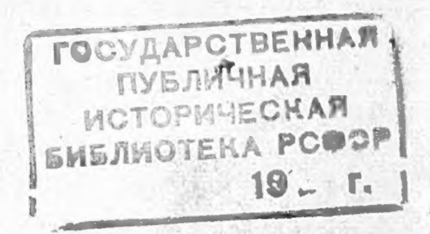
---

[1]) Всецѣло присоединяемся къ совѣту г. Богдановскаго, допустивъ лишь маленькую поправку въ немъ: вмѣсто «Краткаго медицинскаго и топограф. обозрѣнія г. Казани» 1809 г. СПБ., мы укажемъ на «Краткое медикофизическое и топографическое обозрѣніе г. Казани и губерніи оной», СПБ., 1809 г., т. к. перваго читатели рискуютъ не отыскать; вовторыхъ, — вмѣсто №№ 33 — 46 Каз. Губ. Вѣд. за 1844 г., рекомендуемыхъ г. Богдановскимъ, совѣтуемъ просмотрѣть тѣже номера, но за 1856 годъ, потому что въ первыхъ нѣтъ ничего, относящагося къ предмету спора.

Г. Богдановскій въ своемъ воззрѣніи на Царственную книгу опирается всецѣло на авторитетъ проф. Ласковскаго, но позволимъ себѣ замѣтить, что проф. Ласковскій писалъ свой трудъ въ 1858 году, когда еще не возникало спора объ этомъ памятникѣ. Относительно плана проф. Ласковскаго мы уже сказали въ своей рецензіи; теперь же, на упрекъ намъ г. Богдановскаго, что мы не умѣемъ читать планы, т. к. на планѣ проф. Ласковскаго Булакъ показанъ штрихами суходоломъ въ чертѣ ограды, вода же изъ него отведена въ ровъ, находящійся передъ стѣной, — укажемъ, что поступить такъ, т. е. осушить русло Булака и отвести изъ него воду въ ровъ, проф. Ласковскій не имѣлъ рѣшительно никакого права, за отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ относительно этого предмета въ источникахъ. Поэтому и г. Богдановскій, слѣдуя слѣпо проф. Ласковскому, раздѣляетъ произволъ послѣдняго. При всемъ этомъ, недоумѣваемъ, какимъ образомъ при толкованіи плана проф. Ласковскаго, данномъ г. Богдановскимъ, самъ авторъ его могъ выразиться, что «западную сторону городской ограды обтекалъ въ

случаѣ по точной фотограф. копіи въ $^3/_4$ величины плана ф. Каница — съ подлинною величиною этого плана [1]).

Военный инженеръ полковникъ **Богдановской.**

то время тинистая рѣка Булакъ», разъ послѣдній, осушенный, находился внутри ограды? Предоставляемъ разобраться въ этой дилеммѣ и согласовать приведенную фразу проф. Ласковскаго съ его планомъ — самому г. Богдановскому, какъ спеціалисту по части чтенія плановъ. Въ свою очередь, мы къ литературѣ, любезно приводимой г. Богдановскимъ, присоединимъ превосходную статью проф. Леонтовича, написанную въ видѣ рецензіи на изслѣдованіе проф. Самоквасова — «Древніе города Россіи» и помѣщенную во II томѣ «Сборника Государственныхъ Знаній» (СПБ. 1875 г.), изъ которой можно ознакомиться съ понятіями «городъ» и «посадъ», часто смѣшиваемыми. В. Борисовъ.

[1]) Напрасно г. Богдановскій иронизируетъ, что мы, будто бы, не можемъ по извѣстной части цѣлаго опредѣлить самое цѣлое! Опредѣлить его всегда, конечно, можно, но для этого нужно знать, что имѣющееся въ распоряженіи—есть часть цѣлаго, а не все цѣлое, а указать на это и забылъ г. Богдановскій, издавая планъ фонъ-Каница, да не только забылъ, а, напротивъ, изъ его словъ вытекало, что имъ изданъ планъ фонъ-Каница въ его подлинной величинѣ; и лишь послѣ нашихъ замѣчаній обнаружилось, что это—не подлинные размѣры плана, а $^3/_4$ послѣднихъ.

На этомъ мы заканчиваемъ свои объясненія съ г. Богдановскимъ, считая дальнѣйшую полемику совершенно безцѣльной и удѣливъ труду г. Богдановскаго вниманія болѣе, чѣмъ онъ того заслуживаетъ, съ точки зрѣнія исторической. В. Борисовъ.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ 4 октября 1899 года.

Секретарь Общества В. Борисовъ.

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1899 года.